

ВАЛЕНТИН НИКИТИН

СУМЕРКИ СМЕРТНОГО ДНЯ

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris

1990

ВАЛЕНТИН НИКИТИН

СУМЕРКИ СМЕРТНОГО ДНЯ

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris

1990

Валентин Никитин родился в 1947 году в Тбилиси. Окончил филологический факультет Тбилисского университета. С 1973 года живет в Москве. Редактор Издательского отдела Московского Патриархата. Член редакционной коллегии журнала «Символ», издаваемого в Париже Славянской библиотекой. Автор многих статей в «Журнале Московской Патриархии», «Богословских трудах» и др. Стихи печатались в «Русской мысли», «Студенческом меридиане», «Антологии Гнозиса», «Вестнике русского христианского движения», «Новом Журнале», в сборниках русской религиозной поэзии «Sternenfall» (Zürich, 1981) и «Воскрешение» (М., 1989).

Составление сборника и предисловие Виктории Андреевой

Copyright © by Valentin Nikitin
All rights reserved

Набор произведен издательством Гнозис-Пресс
в Соединенных Штатах Америки
ISBN 2-85065-189-3

СУМЕРКИ СМЕРТНОГО ДНЯ

Есть поэты-языкобожцы, для которых язык — это последняя инстанция. Таков Бродский. И действительно, язык может стать аккумулятором мудрости, выразителем пластики и ритма явленного, когда (и если) поэт не упирается лбом в пустоту агностицизма и не превращается в счетчик, регистрирующий мертвые конфигурации объектов.

Есть поэты, которые не замечают язык. Они в нем живут, дышат им, как мы дышим воздухом. Они — неразрывная часть языка, его гении и духи, как есть гении и духи стихий. Естественно и без надлома, помпарттовски легко они оформляют языковую материю, не замечая и не считая щедрых находок своего ненарочитого модернизма. Таков Станислав Красовицкий, признанный мусaget поэтического поколения московских шестидесятых.

Валентин Никитин принадлежит к тем поэтам, для которых язык — форма прорыва в область первоначал. Он либо стесывает его пласты в поисках первопричины:

*при сотвореньи мира были те же
извечные начала — твердь и хлябь
и Божий Дух, носившийся над бездной
их горизонтом должен был разъять*

либо льнет к нему, входя через молитву в его сокрытые пределы. И постоянно испытывает возможность языка коснуться той реальности, где неявленное становится

видимым. Он знает слепоту регистрирующего взгляда («свет-соглядатай, рассеянный свет») и глухоту обычного уха, когда поэт затрагивает области невыразимого («*silentium!* священна тишина/в священной тишине косноязычна/живая речь а клинопись письма/мертва как снег но есть в ней что-то птичье»).

Никитин — поэт неевклидовой геометрии. Его взгляд не фотографирует с буквальной точностью назойливый и опустошающий вещный континуум. Он — вечный «заложник» реальности неочевидного, нефиксируемого картографами эмпирического: «и каждое неназванное имя он слышит так, как слышит тот, кто слеп».

Он обрекает себя на диссонанс, чтобы не участвовать в «союзе вещей и трупов» — сговоре метафизических слепцов. Он борется с неразборчивой всеядностью профанического зрения, с его диффузными тенденциями. Его стихи несут в себе опыт духовного становления. Они говорят о приобретении им собственного видения, об освобождении от «диктатуры глаза», от ограничений, налагаемых на художника эмпирическим зрением. Его метафоры и оксимороны не столько литературные находки, сколько опыт изменения видения, знаки страны, в которой он побывал. В созданной им картине мира вещи являют свои новые облики: плотное становится прозрачным, твердое — податливым, а «наша жизнь, как месяц тонкий, где верх колеблется внизу».

Его поэтический мир целостен и центрирован. Несмотря на конвульсии современной атеистической жизни, поэт не теряет истинной перспективы и реальной системы ценностей. Внутренний императив его жизни — постоянная гравитация души к Богу. Его конфессиональная верность проявляется пластично и естественно. Органичность его пребывания в православном этосе сочетается с искренностью и неубывной ясностью личного отношения. Им окрашено его восприятие жизни, природы. Даже в падающем снеге — обычном символе смерти — он узнает нисходящий на землю Логос:

о
берез идущий лес
снег проходит
как Христос
снег воистину
воскрес
и осеняет нас
крестом

Разговор души с Богом — главное содержание его стихов, а молитва — наиболее естественное творческое состояние. Молитвенное чувство живет в нем, как постоянное пламя, никогда не задуваемое порывами ветра, — в горе и радости, в минуты отчаяния и высшего просветления: «а в душу, как молнией шаровой, дохнула отчаянная молитва», «я на лицо молитвы упаду и буду грезить, грезить наяву».

Стихи Валентина Никитина возникают в экзистенциальные моменты встречи с самим собой, с жизнью, смертью:

ангел смерти бесшумно вошел
и незримую нить перерезал
и душа — беспокойный орел —
скрылась медленно за перелеском

а внизу на земле как ладья
с черным парусом белого тела
гроб поплыл и земля поплыла
и вселенная тихо скорбела

Поэт апокалиптического восприятия жизни, Никитин видит исчерпанность профанического времени, его обреченность:

помилуй нас грешных Господь
помилуй нас грешных
уже наступает черед
пожаров крошечных
и в сумерках смертного дня

дыхание дыма
я вижу горят города
неслышно незримо

Никитин вышел из живой органической кавказско-московско-загорско-петербургской среды, насыщенной дружеским общением, религиозно-философскими дискуссиями, стихами. Он является частью сокровенного контекста 70-х годов, когда в русскую интеллектуальную среду неизбежно возвращались и становились ее неотъемлемой частью Платон и Добротолубие, Р. Штейнер и С. Булгаков, П. Флоренский и Даниил Андреев. Как поэт он сформировался в сильном, ярком поэтическом поле московского литературного подполья, в ряду таких разноликих, но щедро одаренных поэтов, как Станислав Красовицкий, Леонид Аронзон, Илья Бокштейн, Елена Шварц, Валерий Шленов, Евгений Сабуров. Как и многие другие участники этого поколения, Никитин органически сочетает в себе метафизическое беспокойство, интеллектуальную искусственность и творческую самоотверженность.

Виктория Андреева

утро
петух рассвета
на плетне зари
взъерошил красный гребешок солнца

силуэты – в фигуры
серое – в цветное
день-художник рисует
маслом –

природу
гуашью –
животных
акварелью –
человека

какие сны мне снятся Боже мой!
такая бездна в них сквозит сквозь пламя
что просыпаясь в страхе замирая
я не могу пошевелить рукой

припомнив забываю через миг
и силясь вспомнить главного не помню
все кажется: иду один по полю
но день ли ночь – не знаю не постиг

пронзительно колеблется струна
струна пространства в даль устремлена

струна пространства убивая время
пронзительно колеблется как пламя

но вспыхивает солнечный росток
и звук восходит стонет — и растет

душа цветка прозрачна и легка
в нем зыблется как память стебелька
задумается – облако стоит
одумается – тянется в зенит

душа цветка прозрачна и легка
в ней солнечная тяга стебелька

а он дрожит пуглив и одинок
как в ставнях луч неверный стебелек

наощупь пробивает холод плит
чуть-чуть еще — и ангел вострубит

лучи уходят в кривизну
но не дробятся на осколки
и наша жизнь – как месяц тонкий
где верх колеблется внизу

в неизмеримости небес
восходят чьи-то лики лица
в неисследимости – Бог весть –
нам кажется что это снится

но вспыхнет полная луна –
и на незримой амальгаме
запечатленные тела
взойдут над новыми мирами

гусяная кожа дождя
меня холодком обожгла
я радостно замер испуган
как стриж над крестом у креста

когда колокольня внизу
и рядом и ложно блаженство
какая картавость у жестов
у крыльев что гибель несут

регата летучих мышей
но пусть паруса – перепонки,
у неба в моем перемете
лишь ласточки белых стрижей

мой город в бликах желтооспенных
янтарно-солнечных слепых
и зайчики бегут как ослики
вдоль карусельных мостовых

как будто выставлены рамы
деревья к небу прислонясь
о чем-то шепчется их вязь
с потусторонними мирами

затем вдруг белое нашествие
невероятнейший десант
летят снежинки сумасшедшие
на парашютиках висят

март по зиме творит поминки
снег пахнет хлебом и вином
и ветер феску заломивши
вечерний гонит фазтон

проглянули лики
стихий неземных:
цветущие липы
и желтые листья на них

лесные сороки
о чем ваши веретена?
последние сроки
последние времена

пылинки взвешивает луч
они во мраке невесомы
они поверхностью несомы
чей жест торжественно летуч

на световых весах минут
такие маленькие гирьки
равновелики и безлики
но в их струеньи – млечный путь

как будто ангела стопа
скользит неведомостью линий
и ливень звезд и листопад
и листопад как звездный ливень

на морозе голуби нахохлились
Боже мой
Божий дом
на таком неумолимом холоде

хоть воркуют маковки растерянно:
воскреси
но кресты
выплетены терниями

сквозь оконце слюдяного дня
идет ночь
и невмочь
ждать погоды годы погода

вот и небо съежилось уже
как Звезда
как слеза
на моем покойницком лице

свет – соглядатай
рассеянный свет
крадется вкрадчиво
в тапочках белых
сосредоточен в себе
полуслеп
наг
только евнух

Боже, глаза мои
в небе зажмурь
Боже мой,
выключи
белую ночь
пусть растворится
больной абажур
как парашют

ИЗ ВЕНКА СОНЕТОВ

какая несказуемая боль!
цветок свечи как горький померанец
и проступает вновь воспоминанье
как вещей знак зловеще-водяной

о если бы не леший, водяной!
о если бы хоть лары и пенаты!
но кружатся унылы и пернаты
еще темнее твари надо мной

я руки простираю и зову
свою неугасимую звезду
и участь неминуемую как случай

горит свеча под взмахами крыла
какая незавидная судьба
не плакаться а плакать и беззвучно

не плакаться а плакать и беззвучно
поводья слез упущены уже
и скачет смерть; за мною неужель?
наездница! — с ней встреча неминуча

вот шпоры мрака брызнули летуче!
и бледный конь застыл на вираже
сомнамбула моя из ворожей
а я навстречу — робкий тихий лучник

но белый крест любовью осенен
и на забрале голубь осиян
и в сердце радость солнечного духа!

проснусь ли я — я буду видеть сон
не разлучит того, кто так влюблен
знак препинанья, вещий знак, разлука

снег идет
так странно жив
снег –
забор бегущих зебр
в его ребра
перст вложи
на белеющей
стезе

о
берез идущий лес
снег проходит
как Христос
снег воистину
воскрес
и осеняет нас
крестом

сколь велика Твоя милость ко мне
если живу недостоин рожденья:
тело греховно душа суеверна –
сколь велика Твоя милость ко мне

перед Тобой простираюсь во прах
сохнет язык – недостоин молиться
знаю: погиб но надеюсь на милость
перед Тобой простираясь во прах

отступает прибой обнажая песок –
так и жизнь вдруг отступит тоску обнажая
но нахлынет волна эту мель захлестнет –
и волна над волной заволнуется жадно
этот берег и отмель и ясный закат
говорят о прощанье о вечном покое
но как жала знамен волны рдеют горят
и мятежное вновь воздымается море
и внезапно в ночи после третьей трубы
Солнце явит свой блеск как алмаз марсианский
и луна трижды в день на пороге судьбы
постучится к нам в дверь в своей мертвенной маске

идут дожди сплошной завесой
их шторы в воздухе висят
и лужи хлопают зловеще
поддразнивая листопад

он кружит в маске на котурнах
на сцене осени нагой
и пахнет траурно и трупно
перегоревший перегнутой

как поминальное прощанье
как погребальные цветы
воспоминания печальны
воспоминания мертвы

в подвале памяти зловещей
они как мыши шелестят
и мне самой судьбой завещан
непреходящий листопад

магическое зеркало залива
в нем отражаясь зыблется над ним
дым от каляна ладан из кадила
иль облака нерукотворный дым?

дым облака! – им образ мира соткан
им тайны неба не утаены:
как глубина тоскует о высотах
как высота взыскует глубины

при сотвореньи мира были те же
извечные начала – твердь и хлябь
и Божий Дух носившийся над бездной
их горизонтом должен был разъять

его рубеж невыразимо зримо
связует разделяя заодно
осуществленье тайного порыва
иль знак о невозможности его?

прохождение

у грота моего застыл прибой
погаснул отзвук в раковине гулкой
уступы скал нависшие над бухтой
как коршуны нависли надо мной

моя теснина сумеречна в ней
таится Фермопильское ущелье
чем далее тем кажется длинней
мгновение и тягостней смущенье

свивая саван сумрак гробовой
сгущается над жизнью-незабудкой
и память отделяется как боль
от раны отделяется под утро

душа моя уходит в коридор
как ветер отворяющий ущелье
влекома тягой страшной неземной
и тело не отбрасывает тени

иное невесомое как тень
оно глядит на тело что осталось
о Боже мой! – ужели в этот день
моя тоска смертельной оказалась?

под бременем земных чугунных дел
я не могу очнуться распрявиться
я ничего не вижу кроме стен
осуществленный мир сомкнул границы

затянут ужас серой пеленой
схожу с ума или ослеп как камень?
я не ослеп скорее ослеплен
но что бы ни случилось Боже мой
как вразумленье принимаю кару

и невзначай мелькнет издалека
какой-то отзвук отблеск вдохновенья
как будто затяжные облака
вдруг явят небо

с рассветного со смертного одра я
встаю едва беспомощен и тих
бессонница – сестра моя родная
все ночи рядом в схватках родовых

и приуныв свое сердцебиенье
и вняв ему как тайному мечу
я царскими вратами вдохновенья
вдруг в стихаре пурпурном прохожу

еще не иерей но раб Господень
душа моя рыдает и скорбит
молюсь я в полночь
и молюсь я в полдень
как самый правоверный неофит

о Боже, помоги мне все пороки
преодолеть и твердо соблюсти
Твои исповедимые пути
Твои неисповеданные сроки

Памяти Семена Шахбазова

крестовый перевал души
увидеть в дымке и сорваться
и кануть камнем в окаянство
опустошенной анаши

затем с безуминкой стихать
и гаснуть замирая в цикле
как в опустевшем лунном цирке
под страшным куполом стиха

в кругу магическом как вий
внять демоническому гласу
замкнуть петлю как яркий галстук
как неизбывное аминь

ты в огневеющей тиши
тебе от вечности казниться
но почему же мне все снится
крестовый перевал души?

вновь явлено величие высот
и альфа простирается к омеге
восходят небывалые кометы
и мертвые поднимаются вот-вот

тогда преобразится вещество
в едином поле в сфере Абсолюта
и полюса вселенские сольются
и утвердятся избранных число

мы вне числа
мы – мнимая цифирь
не соль не ртуть
а гибельная сера
как грешники взыскуем милосердя
как грешники мы смерти подлежим

аз первый есмь
мне камень давит мысль
скудна любовь
как вера как надежда
остановись прохожий помолись
Бог – Бог живых
и мертвым вечность брезжит

ДИПТИХ

Памяти М.А. Волошина

1

курган могильный грезит он возвел
глазницы к небу кажется пространство
задумалось о вечности сквозь сон
и здесь себя впервые осознало

отсюда взгляд скользит за окоем
его непостижимостью томится
следит за тем как исчезает птица
железная за траурной каймой

исчезнуть вслед! – но взгляд не вездесущ
мысль не всегда восходит созерцая
три измерения может быть три царства
иное есть – для отлетевших душ

как марево вселенная дрожит:
земное упование о небесном
чем призрачней тем марево чудесней
и кажется магическим залив

2

за той чертой неведомая даль
девятый вал задумчиво вздымает
и море переходит в океан
как будто разворачивают знамя
так жизнь вздымает смерти горизонт
не знаем мы но веруем: за гранью
иная жизнь иной восторг живет
и море уступает океану
курган могильный к небу вознесен
в нем заклано безвольное пространство
но души созидают связь времен
незримо реют о телах томятся
и силятся прервать свой смертный сон

1917-ый

сочилась кровь из незасохших ран
Россия гемофилией больная
тащила свой дурацкий шарабан
тяжелая как лошадь ломовая

мечтая уподобиться лишь той
знаменитой гоголевской тройке
что стала европейскою судьбой
и возникала призраком делеким

но въехал низколобый броневик
легла под пулеметы учредилка
и снова на событий беловик
закапала кровавая черника

при висельно потухших фонарях
кричали голоштаные витии
теплушки расползались на фронтах
и рушились устои вековые

на Красной площади

*"Россия, Россия, Россия -
Мессия грядущего дня!"*

А. Белый

у стен умолкнувшей святыни
где звезд кинжальные огни
я слышу в грозный час России
сердцебиение Москвы

ось неизбывная земная
скрипит и третя наизнос
и шар плывет изнемогая
как еле слышимое "SOS!"

над ним рассыпались салюты
как погребальные цветы
я слышу гулкие набаты -
чревовещание земли

все отдаленней берега
обеспокоеннее лица
Россия Блока умерла
ужели ей не повториться?

она без Бога на устах
хоругви прежние поникли
и странно высится впотьмах
в кольце из звезд Иван Великий

из цикла «Белые ночи»

и шпиль штыка и ангел-флюгер
и храмов траурные фуги
и неба серая шинель
в подкладке выцветшей и белой
и дни и ночи без свечей
и лебединый лепет статуй
и монументов гордый бред...

но этот красный марсов свет
но этот новый смольный статут?
и медновсадный броневик
и жест руки в железных шпорах?
кому винить глухонемых?
кого винить слепорожденным?

здесь каждый бывший божий день
одетый в серую шинель —
на марш! — в толпе единоверцев
и ночи белые мертвы
и под луною без луны
и кружат те же те же бесы

ВИТЕБСК

памяти М. Шагала

в литавры бьет пламя! —
сей звон летаргичен как осень
и тени взмывая
как коршуны падают в гнезда
и тихо светясь
у синей каймы оробелой
танцует свеча
в сарафане задумчиво белом
так девочка в красном
так женщина в черном неясить
ликуя от страсти
от старости ропщет и плачет
в литавры бьет пламя! —
цветок пламенеет ракетой
часы улетают
их крылья над бытом воздеты
как марево пламя!
старик на пожарище плачет...
часы улетают
и маятник крыльями машет

мир обезбоженный — среда
где нет и признаков ландшафта
где все так тягостно так чахло
и ни дороги ни следа
лишь панцирь серого асфальта

застыла мертвая слюда
стальное море без движенья
и нет прибоя нет дождя
и вместо молний провода
бегущие как привиденья

какой бездонный котлован
в нем вечность в муках прозябает
в нем черный уголь-истукан
как бы таинственно мерцает
и дятел времени устал

напластования — века
и в недрах ад, рудник гремящий
и штрафники и кровь труда
чтоб искупить свой грех мертвящий
пока не грянула труба

Псков оскоплен – молчат колокола –
пасхальные поблекшие яички
великая течет отхлокотав
и берега едва-едва колышет

но серое соборов серебро
цветною аппликацией заката
расцвечено так празднично светло
как никогда – как некогда – когда-то

и та же Русь – сияние полей
льняные лица взгляд полунезрячий
но грудь ей не распахивай — на ней
натальный крест увидишь ли как раньше?

над Неманом рассвет или закат?
Литва Литва твой долгий сон как морок
речь польская порой на русский лад
глубокий тон и легкий подмалевок

на рубеже Европы и России
твой рыцарь пал а твой герольд умолк
лишь взор озер такой же синий-синий
и кажется не потускнел зрачок

между двух огней – в Бологом
закружил меня балаган
между двух огней об одном
моя боль и больной наган

что как крест распирает грудь
восклицательный знак пыжа
неужели тот самый груздь
о котором сказать нельзя

или в кузов-кутузку-смерть
или жизнь кверху дном как смерч

Боже мой мой Господь мой Бог
о мой Господи Господин
на распутьях Твоих дорог
перекресток Креста – один

зеленая лампада-светофор
открыта в рай дорога для блаженных
но я в притворе я меж оглашенных
пошли мне небо звездный омофор

лукавый грех сгорает как костер
но и сгорев я вижу он дымится
когда терзает душу огневица
молитва лечит а не заговор

но коль молитва немощна как плоть
а ум впадает в суетную ересь
дай силу мне карающий Господь
в возмездие мучительное верить

адам и каин пали оттого
что прежде пал отпав ко злу денница
дай силу мне прощающий Господь
чтоб на костер взойдя преобразиться

пока твой суд свершается во мгле
святая инквизиция святая
я на костре и руки простираю
да совершится аутодафе

утратив утро
дня не обрета
я веру не отверг
как некий изверг
но братьев
к обращенью обратя
я трепещу
касясь края ризы
утратив утро
дня не обрета

о Господи!
прости меня за всё
хотя за всё
не может быть прощенья
пусть в рай врата
закреты на засов
засов греха
с печатью отверженья
о Господи
прости меня за всё

куда-нибудь... пустынная стезя
веди меня куда вести нельзя

где белый вечер белый-белый сад
и белой ниткой вышит водопад

там никого там даже Бога нет
там только белый-белый-белый снег

и облака как лебеди плывут
и лебеди плывут как облака

века текут минуя без минут
минуты бесконечны как века

я на лицо молитвы упаду
я буду грезить грезить наяву

сквозь слезы вниз смотреть на облака
и в слезы их как в ризу облекать

все кончено: не оживить!
не слышно грома лишь зарницы
и только дети может быть
меня привязывают к жизни

иду туда куда иду
куда глаза глядят уеду
я сам с собой веду беседу
я сам с собою говорю

и мне о Боже не ожить:
ведь есть погибель кроме смерти
и только дети может быть
счастливы и бессмертны

ангел смерти бесшумно вошел
и незримую нить перерезал
и душа – беспокойный орел –
скрылась медленно за перелеском

перелеском ночных облаков
где горящие звезды как совы
где струится свободно легко
свет сиреневый и бирюзовый

а внизу на земле как ладья
с черным парусом белого тела
гроб поплыл и земля поплыла
и вселенная тихо скорбела

уходит жизнь и гаснет как камин
как бронза что тускнеет на часах
и маятник задумчиво кадит
а кажется: качается коса

так маятник задумчиво кадит
а кажется: качается коса
а кажется что рядом смерть стоит
и тихо караулит на часах

фонарики бессоницы в ночи
уже полубесмысленно жужжат
и строгий стебель матовой свечи
блестит как ствол холодного ружья

бьют хвостиками мышки каждый миг
старинные куранты бьют вот так
и маятник сиренево кадит
и святочной водицею кропят

уходит жизнь и гасит свой камин
и бронзу что тускнеет на глазах
уходит жизнь – и душу не продлить
которая на вечность продлена

Господи помоги мне
выдержать до конца!
чтобы цветы на могиле
были не без лица

чтоб не дымил иней
огненную изнанкой
чтоб умерев видеть
небо – глазами маков

две вариации

витают мысли как музыка
в слова не облечены
я волен свободой узника
но стены мои – мои сны
я болен тоской провидческой
и смертью не исцелен
я счастлив явью несбыточной
а явью дня ослеплен

*

не облеченные в слова
как музыка витают мысли
я у открытого окна
луна беспечно далека
а звезды непонятно близки

свободой узника силен
тоской провидческой я болен
но буду ль смертью исцелен
коль сны смыкаются стеной
и гаснут звуки с колоколен?

напев старинной флейты
прорезал тишину
как будто плачут феи
припомнив старину

как будто парки пряжу
старинную прядут
и зачарован сразу
наш нищенский уют

такие сантименты
пронзительны без слов
напев старинной флейты
привлек к нам духов снов

лучи луны от страха
смешались второпях
ужели третья стража
уснула при дверях?

не бойся, третью стражу
скликают петухи
мы от напасти вражьей
крестом ограждены

откроет светлый вестник
искуплена вина
пускай не узнан генрих
но гретхен спасена

белые бабочки розовый куст
снег осыпается тихо нездешне
белые бабочки к воздуху льнут
и расцветают как свечи

как целомудренны что за цветы!
воздух струится гирляндами вверх
воздух струится и падает снег
в дебри ночной тишины

вспыхнули звезды – к пистону пистон
вышли под звезды – кажется бал
бал-маскарад или бал выпускной
белая бабочка села на бант

я развяжу его – пусть упорхнет
сердцу – ладонь моя бабочке – сад
видишь: созвездья над нами висят
и снег осыпается – за горизонт

ах не пора ли не пора
порвать со всем порвать со всеми
что устарело как вчера
и надоело – как соседи
по винтовой куда-то вверх
уйти из мира где обрыдло
и боль привязанностей всех
вдруг оборвать – как над обрывом
чтобы душа – в иную даль
к иной земле иному небу!
где невозвратного не жаль
где все оставленное – небыль
и над кругами девятью
не досягая сферы первой
зажечь незримую звезду –
единственную во вселенной

СЮИТА ШТОРМА

море огромно как память моя
в ней навсегда горизонт затерялся
к берегу стойко стремится волна
берег уходит темной террасой
море огромно как память твоя

хлещет слепой нескончаемый дождь
в сердце щемящая странная нота
так ты уходишь и не уйдешь
в образе берега и горизонта
раньше чем вечер надвинулась ночь

буйствует пляшет волна на волне!
погружена вся природа в тревогу
зверь к человеку стремится в беде
чтоб человек уподобился Богу —
смертный, забыл о бессмертной судьбе

замкнут мир грез как прекрасный сосуд
воображенье — о будущем память
воображенье — памяти бунт!
в гребне волны петушиное пламя
духи стихий настороженно ждут

как безответствен счастья инстинкт!
не опрометчив но невменяем
но не жалею, я свой жребий постиг:
с миром прощаясь, смерть кажется раем
вечнозеленой травинкою — миг

верю мой друг в измереньи ином
разом орел выпадает и решка
и со свободой любовь заодно
и вероятность любая возможна
шторм и покой в измереньи ином

предощущение покоя
как смерть легка! – издалека
смотреть на небо голубое
и как плывут в нем облака

и в предначатии блаженства
томится память сердце ждет
но может быть за небом – бездна
свои объятия распахнет?

как эта боль легка мне
но неотступны грезы!
глухонемые, грозны
из-под земли удары

если иссякнут слезы
станут глаза как камни

что же закрою вежды
с болью единоверца
знаю: судьба небрежна
счастье как случай дерзко

если умрет надежда
станет как камень сердце

и я погружаюсь в ночь
как в яму во гробе – ты
и я ощущаю дрожь
могильной твоей плиты
(так в дождь колыхается рожь)

как зябко в коре земной –
лед тронулся не уснуть –
могилы – к зерну зерно
мгновения – прорастут
(уходят за горизонт)

смещаются полюса
как зябко в земле сырой
мешаются голоса
один ли мы видим сон?
(смежаются небеса)

да будет Христос с тобой
и ангелов светлый сонм
когда мы придем на Суд
могилы – к звену звено –
но цепь разорвется вдруг

помилуй нас грешных Господь!
помилуй нас грешных!
уже наступает черед
пожаров кремешных

и в сумерках смертного дня
дыхание дыма
я вижу: горят города
неслышно незримо

над гребнем летящей волны
витают злой гений!
и пульс – часовой тишины –
наш голос последний!

на папертях древних столиц
теснимся спасаясь
и черное пламя стоит –
но лиц не касаясь

судьба

ладонь – и трепещущий лист
так искра пожару близка
в мою затаенную жизнь
щемящую ноту внесла

предсмертную боль утолишь
смертельной болью сквозной
а память почувствует боль –
гора вдруг родившая мышь

имеющий уши да не услышит
телефон лучше вынести в коридор
вы наивны мой друг
говорите потише
с тишиной в унисон

мой ребенок – беспомощный поплавок
и дрожит как молитва на поверхности мига
так колеблется ветром цветок полевой
я боюсь за него
жизнь ведь незаменима

неизбывная горестъ
но пройдет не беда
черен хлеб да не черствый
ключевая вода

наберу ее в горсти
и прильну и плесну
вспокоенные звезды
полетят по лицу

упаду у подножья
у Креста Твоего
и не надо мне больше
ничего-ничего

все земное – утеха очей
плоть почтенна пред Богом как прежде
плоть – одежда души но зачем
бестелесному духу одежда?

мне не надо мерцающих крыл:
дух витает и дышит где хочет
в неподвижное небо вперил
я иные бессонные очи

гроб и цветы и слезы сквозь туман –
невидимое облако клубится
в нем ангел твой печалью обуян
светающие крылья как страницы

и всматриваюсь в эту тишину
в ней тонет звук спокойно безотчетно
смерть – бормотанье... слов не различу
и лишь цветы мне говорят о чем-то

день наседал душил как домовый
последний день тоски неизъяснимой
ты был один и думал об одном
но на лице ничто не отразилось

сложила крылья бедная душа
не ведая о мире запредельном
куда она безвременно ушла?
там вверх корнями тянутся деревья

там жизнь течет к истоку своему
и в чередѣ того что совершилось
душа в огне – чтобы явить огню
Господне всепрощение и милость

гроб и цветы и слезы сквозь туман
но ладан так торжественно курится
весы души взойдут на коромысла
и оросят росой небесных стран

как спички ломки листья –
ранние холода
и проступают лица
робкие как вода

в кольцах заиндевельх
стынут осколки глаз
вырвано с корнем древо –
так мертвый творит намаз

в траурной рамке берег
потусторонних дней
солнце заходит но тени
не кажутся длинней

непостижная красота
ты поэтому благословенна
что безумием осенена
что свободна от смерти и тлена

этот мир невозможно хорош
оттого что причастен иному
в незакатное счастье войдешь
умерев не за жизнь - за свободу

последний горестный кивок –
прощайте господу
на плаху я взошел как Бог
так требует звезда

вдруг загорелся в небе круг
как яркий круг луны
зачем растет трава вокруг
не ведая вины?

зачем из праха мы растем
и попираем прах?
а жизнь уходит как песок
лелеющий мираж

язык скрывается в гортань
змея шипя – в бамбук
и смерть в ночи за гранью грань
стирает наобум

и кто нас грешников спасет
коль свет – как тени крыл
незримых ангелов

с высот
невидимых светил

из заупокойного канона

упокой Спасе душу раба Твоего
с сонмом праведных душ совершенства достигших
во блаженном успенье ее сохрани

в месте света покоя все святые Твои
смерть бессильна их взять причастившихся жизни
упокой Спасе душу раба Твоего

ибо Ты наш Господь Ты умерший за нас
в ад сошел чтобы нам не погибнуть во мраке
Боже душу раба Твоего упокой

Сотворитель всех духов всех тварей Создатель
Ты воскрес чтобы нас воскресить в чудный час
упокой эту душу за гранью земной

в месте света покоя блаженства где нет
воздыханий болезней печалей обид
и свободна душа от житейских забот

упокой эту душу Милосердный Господь
ибо ты победил зло вселенское – смерть
чтобы в Духе и душу и плоть воскресить

ОГЛАВЛЕНИЕ

7	утро
8	какие сны мне снятся Боже мой
9	пронзительно колеблется струна
10	лучи уходят в кривизну
11	гусиная кожа дождя
12	мой город в бликах желтооспенных
13	проглянули лики
14	пылинки взвешивает луч
15	на морозе голуби нахохлились
16	свет — соглядатай
17	какая несказуемая боль
18	не плакаться, а плакать и беззвучно
19	снег идет
20	сколь велика Твоя милость ко мне
21	отступает прибой обнажая песок
22	идут дожди сплошной завесой
23	магическое зеркало залива
24	прохожденье
25	под бременем земных чугунных дел
26	с рассветного со смертного одра я
27	крестовый перевал души
28	вновь явлено величие высот
29	диптих
30	1917-й
31	на Красной площади
32	из цикла «Белые ночи»
33	Витебск
34	мир обезбоженный
35	Псков оскоплен — молчат колокола —
36	над Неманом рассвет или закат?
37	между двух огней — в Бологом
38	зеленая лампада-светофор
39	утратив утро
40	куда-нибудь... пустынная стезя
41	все кончено: не оживить
42	ангел смерти бесшумно вошел
43	уходит жизнь и гаснет как камин
44	Господи помоги мне
45	две вариации
46	напев старинной флейты
47	белые бабочки розовый куст

48 ах не пора ли не пора
49 сюита шторма
50 предошущение покоя
51 как эта боль легка мне
52 и я погружаюсь в ночь
53 помилуй нас грешных Господь!
54 судьба
55 имеющий уши да не услышит
56 неизбывная горесть
57 все земное — утеха очей
58 гроб и цветы и слезы сквозь туман
59 как спички ломки листья
60 непостижная красота
61 последний горестный кивок
62 из заупокойного канона

ISBN 2-85065-189-3